

Творческая жизнь Н. В. Мамаевой в театре сложилась счастливо.

Не хочу сказать, что она сыграла все, что хотела и что могла. Совсем нет. И раньше, и сейчас были и есть роли, которыми Мамаева могла бы радовать нас, но по разным обстоятельствам работа над ними не осуществлялась. И все же сыграла она и Офелию, и Антигону, и Донну Анну, и Нину Заречную, и Аню в «Вишневом саде», и Лизу в «Дворянском гнезде», и Полину в «Игроке» Достоевского, и Настю в «На дне», и Настеньку в «Белых ночах»... Она работала с Григорием Михайловичем Козинцевым и Леонидом Сергеевичем Вильеном, играла на одной сцене с Николаем Черкасовым, ее партнерами были Николай Симонов, Юрий Толубеев, другие прославленные актеры пушкинской сцены.

В Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина народная артистка СССР Н. В. Мамаева работает почти 30 лет. Она — член правления Ленинградского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, член правления Ленинградского отделения общества «СССР — Великобритания», член центральной ревизионной комиссии ВТО, городского и областного жюри по самодеятельному искусству, член худсовета и месткома театра.

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ НАС

возрастает она у всего руко-
творного в эпоху машин. С
другой — театру приходится
трудно, потому что темп
жизни изменился, ритм изме-
нился, поспевать труднее...

— Какие у вас наиболее яр-
кие театральные впечатления
двух-трех последних ленинград-
ских сезонов?

— Спектакли режиссера
Льва Додина — «Дом» в Те-
атре драмы и комедии и «Кро-
тка» в АБДТ. Роли Олега Бо-
рисова в «Кроткой» и «Пере-
читывая заново».

Еще — Юрий Демич в ро-
ли Моцарта в спектакле «Ама-
деус». Знаете, почему? Он на-
помнил случай из моей жиз-
ни. Это было больше двадцати
лет назад, но помнится, слов-
но произошло вчера. Моя

дочка была тогда крошечной,
ей года не было. Я пришла
усталая, нервная, она мне об-
радовалась, знает, как раду-
валась дети без удержу. Мне
нужно было, чтобы она стоя-
ла, а она, понимаете ли, пры-
гала... И я ее шлепнула. Она
вазвилась в кровати, слезы ка-
тятся круглые, крупные, руку
ко мне протянула и спрашива-
ет: «Почему?». Вот это мла-
денческое «Посюму!» я на всю
жизнь запомнила.

У Юрия Демича в «Амадеу-
се» есть этот жест, этот взгляд
несправедливо обиженного ре-
бенка. На меня его Моцарт
произвел сильное впечатление.

— Слушая вас, подумала:
мы ведь не только домой при-
ходим усталыми. В театр тоже.
И с искусством порой обраща-

емся, как с раздраженным ре-
бенком: не угодит нам, разо-
драженным, и сразу его — в
угол...

— О да, бывает. Уходят с
серьезных, умных фильмов,
спектаклей. Читают легкое что-
то. Слушают только легкую
музыку...

Некоторая раздражитель-
ность, нервозность сказываются
сегодня на многом. На сего-
дневной жизни, деловых взаи-
моотношениях, отдыхе... Из-
лишне много еуетимся. При-
чем — впустую, вхолостую, до
обидного напрасно. Я это го-
ворю не в укор кому-либо:
вот, мол, они еуетятся, а я
нет, я такая величественная. Я
тоже бегая, «достаю» что-то...
И вовсе не потому, что у ме-
ня такая цель в жизни: супер-
модно одеваться. Я вовсе не
для вещей живу. «Вещистов» в
чистом виде вообще мало —
это уроды, речь не о них. Но
я хочу одеваться элегантно,
красиво, удобно и в соответ-
ствии с модой. Сегодня этого
хочет подавляющее большин-
ство женщин. Естественнее
быть не может. Но, увы, не
секрет, что мы пока не можем
просто прийти в магазин и ре-
шить все свои проблемы. Будет
сумка — не будет перчаток.
Появятся перчатки — ис-
чезнут шарфики... Знаете, как
то повелось задавать абстракт-
ные, риторические вопросы:
когда, дескать, у нас будет то
или это? Наступает время кон-
кретных вопросов к конкрет-
ным людям. Пришла пора по-
нять: никто посторонний, ника-
кие дяди и тети не сделают
нам быт легче, одежду краси-
вее и стол разнообразнее. Все
зависит от нас самих. Будем
мы работать хорошо или не
будем, станем терпеть возле
себя бездельников или нет...
Люди приходят в театр уста-
лыми, это верно. Но устают-то
нередко не от работы, а от
беспорядка.

Знаете, по-моему, мы от-
влеклись.

— Почему отвлеклись? Про-
должаем говорить о проблемах
зрительного зала. На мой взгляд,
это самая интересная сегодня
проблема в искусстве. У каж-
дого зрителя сегодня дома те-
леvisor и радио. Он слышит
новости; в мире тревожно. Со-
бытия опасны, часто кровавы.
Это первый фантор. Сфера
производства с его успехами
или неудачами — второй.
Область быта, личной жизни —
третий. Каждый зритель — пе-
ресечение фанторов. И он —
союз творческого процесса.
Его личное и его общественное
во многом определяют успех
или провал спектакля. Так что
мы не отвлеклись. Можем про-
должать.

— Меня еще вот что беспо-
коит. Может быть, современная
школа недостаточно внима-
тельно присматривается к де-

тям, к их склонностям, способ-
ностям и плохо помогает им
выбрать дело по душе. Проб-
лема человека на своем месте
очень остра. Если человек за-
нимается своим, именно своим
делом, у него и чувство собствен-
ного достоинства есть, и
вкус к профессии. Телевизи-
онные часто отыскивают таких
удивительных людей! У них
глаза светятся. Поменьше бы
нам тусклых глаз, процежен-
ных сквозь зубы ответов, вя-
ческого брака...

Мне очень нравятся люди,
которые болеют за дело в
масштабе страны. Понимаете,
сам он, к примеру, на обувной
фабрике отлично прибавляет и
сапогу каблук, как положено
ему по должности. Но его вол-
нует, что наша обувь — не
лучшая в мире. И он делает
все, что в его силах, и даже
сверх сил, чтобы она стала
лучшей в мире! Вот это, по-
моему, герой нашего време-
ни и настоящий мужчина.

— Бригадир Потапов на
«Протокола одного заседания»?

— Да. Бригадир Потапов!
Не шустрые же мальчики
любого возраста, которые ду-
мают не о деле, а о шапках
и дубленках. Такие могут де-
лать женщину сытой. Но счас-
ливой — никогда. Сытые счас-
ливыми не бывают. У них,
знаете, желудки растянуты, им
все больше и больше надо...

Да, бригадир Потапов... За-
говорили о пьесе драматурга
Гельмана, и я, видите, загру-
стила. Это потому, что не иг-
раю, не получилось сыграть в
его новой пьесе «Наедине со
всеми». Я болела ею! Так хоте-
лось играть. Она о том, как
жить, чем жить, во имя чего,
и как быть дальше. Огромные
возможности для раскрытия
актерского дара. Два театра —
имени Ленинского комсомола
и Ленсовета — поставили эту
пьесу. Я, правда, еще не ви-
дела.

— Нина Васильевна, в род-
ном театре вы сегодня заняты,
если не ошибаюсь, в семи или
восьми спектаклях. Это немало.
Хотя мне кажется, что все эти
роли не исчерпывают ваших
возможностей. «Коронной»,
«бенефисной» роли все-таки
нет. Не потому ли появились
ваше имя на афише Театра
эстрады в спектакле по пьесе
Конто «Ужасные родители»?

— С удовольствием играю
там. Было интересно встретиться
с молодым режиссером
Геннадием Егоровым, с новой
для меня драматургией. Я от-
крыла здесь нечто такое, чего
раньше не знала. Надеюсь,
зрителям это тоже интерес-
но...

Беседу вел
А. АНДРЕЕВА
Фото Р. Ларина